

Когда я приехала к писательнице Пономаревой за ее статьей, написанной для нашей газеты к Дню города, который проводился в Москве 19 сентября 1987 года, Тамара Алексеевна, готовясь потчевать меня оладушками с пылу с жару, вскользь заметила: «Многие мои материалы становятся историческими». Ах, зачем я пропустила мимо ушей эти слова! Вспомнить бы заранее, как классик говорил об «исторических» людях в том смысле, что они постоянно попадают в различные истории. Угодили в такую историю и мы — автор статьи и я, готовившая ее к публикации.

Татьяна СЕРГЕЕВА

Моск. правда, 2002. — 23 июля. — с. 6 Перо и гитара Тамары Пономаревой

В нескольких строках статьи Пономаревой сообщалось о бескорыстном даре скульптора Клыкова — созданный на его средства памятник Сергию Радонежскому должен был быть открыт в то сентябрьское воскресенье в подмосковном селе Городок (бывший Радонеж) Загорского района. И разгорелся скандал. Оказывается, в ЦК партии (конкретно — у Егора Кузьмича Лигачева) сложилось мнение, что весь номер газеты (органа Московского городского комитета КПСС, первым секретарем которого был Борис Николаевич Ельцин) был сделан лишь для того, чтобы поместить десять строк о скульпторе, позволившем себе «скейно и самолично», без мудрой партийной подсказки, без широкого общественного обсуждения, без рассмотрения вопроса в советских органах и творческих организациях воздвигать монументы, да еще к тому же религиозным деятелям. Откуда же нам было знать, что грядущее открытие памятника послужит поводом для столкновения двух противоборствующих сил — консерватора Лигачева и демократа Ельцина? Паны дрались, а у двух дивчин, оказавшихся крайними, не только волосы трещали. Тяжелокламенным оказалось пожатие идеологической десницы.

Но как бы там ни было — сдюжили. И клыковский памятник преподобному Сергию через некоторое время на том самом месте поставили...

В свое время, когда СССР раскачивали и разваливали, Тамара Алексеевна, занимаясь проблемами русских беженцев, давала телеграмму «самому» Горбачеву и опасалась ареста. Сегодня у сибирской казачки, выпускницы ВГИКа, автора более 20 книг поэзии, прозы, публицистики, многих песен, написанных в содружестве с известными композиторами, накоплен огромный материал, который питался поездками по стране и за рубежом — не только в благополучные Италию, Испанию, Германию, Польшу, но и в воюющую Анголу, в Сербию и Черногорию.

Восьмой год Пономарева ведет авторскую программу «Одаренные дети России». И вот недавно совершила поход во властные структуры: среди представителей общественных организаций, занимающихся проблемами детства, была принята вице-премьером Валентиной Матвиенко.

В моей программе, — рассказывает Тамара Алексеевна, — участвуют одаренные дети из социально не обеспеченных семей. Есть у нас дети, получившие дипломы и звание лауреатов на международных конкурсах и фестивалях: Олеся Кулакова, Элина Чебан, Оля Шенфельд, Сонечка Болотова принята в хореографический центр при «Имперском балете» под патронажем Майи Плисецкой, а попаста туда, как вы понимаете, не так-то просто. Перед разговором в правительстве я советовалась с родителями. Особенно помогла мне Татьяна Васильевна Колосова, мать-одиночка, воспитывающая двух детей. Одаренных.

Думаю, можно говорить о некоторых положительных результатах встречи с Валентиной Ивановой Матвиенко. Накануне 2001 года вице-премьер, отвечающая за со-

циальный сектор, объявила по телевидению, что в госбюджет особой строкой внесены «одаренные дети из социально не обеспеченных семей». Долгие годы мы за то боролись. Теперь же, перед 2002 годом, увеличивалась дотация на ребенка с 70 рублей (ведь на эти деньги и килограмма колбасы не купишь!) до 200 рублей у одной категории социально не обеспеченных семей, а у другой — даже до 500 рублей на ребенка. Это помощь семье, без сомнения.

Но я писала в правительство и о миллионах детей, бомжующих, ведущих скитальческий образ жизни, и о том, что, по статистике 2000 года, около двух миллионов из этих детей не учатся. И стоило президенту Путину сказать, что недопустимо мало внимания уделяется этой вопиющей проблеме, как сразу на станциях метро «Курская» и «Комсомольская», на подступах к четырем железнодорожным вокзалам, я с удивлением не обнаружила ни одного беспризорного ребенка, которые раньше ложились под ноги идущим пассажирам, молчаливо умоляя о помощи. Надолго ли действовало слово президента, сказанное с укоризной? И какими методами была проведена эта «очистительная» операция?

— Вы, Тамара Алексеевна, не умеете закрывать глаза на болевые точки текущей действительности, не уходите от злобы дня, порой даже, можно сказать, вызываете «огонь на себя». Читала вашу книгу «Сербия русскими глазами», знаю, что это документальное повествование было воспринято как объективное в Югославии. А за стихотворение «Памяти принцессы Дианы» вы получили благодарственное письмо посла Ее Величества королевы Великобритании Эндрю Вуда. Уж не это ли умение завязывать и крепить связи с представителями разных народов в России и за рубежом послужило основанием для награждения вас орденом Дружбы? Кажется, ныне им награждаются дипломаты!.. Но спросить хочу о том, что наверняка доставило вам немало огорчений. Имею в виду ваш острый диалог на страницах «Советской России» с сестрой Василия Шукшина по поводу вашей ставшей бестселлером книги «Потаенная любовь Шукшина».

— Как мне представляется, основной причиной письма Натальи Зиновьевой (Шукиной) в газету, где она на правах близкой родственницы пытается не оставить камня на камне от документальной базы моей книги, послужили не фактические ошибки. Увы, они были, но все исправления вполне могли уместиться на листке бумаги величиной с визитку, когда-то помещаемом в конце книги: «На странице такой-то строку такую-то читать так-то». Имя первой жены Василия Макаровича — Марии Шумской, о которой рассказано в книге, вызвало такую грозную и обширную критику. Кстати, газета вскоре опубликовала мой ответ.

А в чем суть спора, можно понять, прочитав письмо из Майми от Марии Шумской. «В своем письме к вам я... просила убедительно ни в коем случае не упоминать мое имя в книге, так как сердцем чувствовала, что за этим

последует. Скажу вашими словами: «И гром, и молния, и снег!» Тут Мария Ивановна процитировала строку моего стихотворения «Ритмы двадцатого века». У нее тоже, оказывается, начались неприятности после выхода книги. А я вот никак не пойму: зачем украшивать правду жизни, чего в сущности требовала от меня сестра Василия Макаровича. Ну, были женаты, разошлись. Ничего нет в том постыдного. Факт биографии любимого в народе художника. Женится второй раз. Завел детей, которых обожал. Думаю, что и Лидию Николаевну — не менее...

Но посмотрим, что пишет Мария Шумская дальше: «Прочитав открытое письмо вам о Василии Макаровиче и обо мне, я ужаснулась и долго не могла прийти в себя. Очернила всех: вас, своего брата и меня... Приглашения на развод от Василия не получила ни письменно, ни устно... Даже Мария Сергеевна (царство ей небесное) говорила о совместной нашей жизни. 1964 год». В том году Шукшин приезжал на Алтай к матери Марии Сергеевне и сделал попытку примирения с Марией Шумской, которая не могла простить ему измены и от разговора уклонилась. Но самое важное для меня в конце этого письма: «Дорогая Тамара Алексеевна!.. Дай вам Бог здоровья, терпения, успехов во всех ваших желаниях. Уважающая вас — Мария Шумская». Эти слова чего-нибудь да стоят, вы не находите?

— Издательство «Алгоритм» знает об этом письме!

— Главный редактор издательства Павел Сергеевич Ульяновский, прочитав его: «Береги как зеницу ока! Во всех смыслах очень ценный документ». И добавил: «Книга твоя нестандартная, потому и вызывает сильные эмоции — как положительные, так и отрицательные».

— Что-то еще издали за последнее время?

— За свой счет издала две небольшие книжицы — «Сказ о курной избе» и «Стачка, или Семь кругов ада». Первая — очень веселая, фантастическая в стиле шукинских «До третьих петухов», но на современных реалиях основанная. Вторая — о грозных событиях в Кузбассе, всей правды о которых сказано не было. Позволено было показать только поверхность айсберга, а вот нижняя часть старались не касаться. Мне, оказавшейся свидетельницей тех событий, невозможно было не написать о случившемся на моей малой родине. Но потом довольно долго я не могла издать рукопись, видимо, что-то не устраивало в моем повествовании о рабочем классе, поднимавшемся на стачку, ни «правых», ни «левых».

Яркий общественный темперамент моей собеседницы дал энергию и направление нашему диалогу. Но как жаль, что пером не описать «сибирское» гостеприимство хозяйки этого теплого дома. И не воссоздать на бумаге, как поет она под гитару песни собственного сочинения о женщинах, прославленных в веках. О, Клеопатра... Ах, Суламифь...

На снимке: Т. Пономарева (сидит справа) среди читателей в библиотеке № 11 района «Красносельский».